УДК 94(398.1)
DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/6-22

К ДИСКУССИИ О КУЛЬТУРЕ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ*

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

ON THE DISCUSSION ABOUT THE CULTURE OF UPPER DON REGION IN THE SARMATIAN PERIOD

A. P. Medvedev

Voronezh State University

Аннотация: *рассматриваются дискуссионные вопросы археологии и истории Верхнего Подонья сарматского времени. Анализируются две парадигмы – «сарматская» и «позднескифская», устанавливается степень их соответствия материалам раскопок городищ и поселений I – первой половины III в. н. э. Сопоставляется состав керамического комплекса, представленный как местной лепной, так и сероглиняной гончарной посудой нижнедонского и северокавказского производства. Материалы курганных могильников и синхронных городищ не оставляют сомнений, что в первые века нашей эры на Верхнем Дону сарматы были исторической реальностью. Альтернативная гипотеза о депортации сарматами населения из низовий Днепра, которое принесло в верховья Дона позднескифскую культуру, остается не обоснованной археологическим материалом и исторически неубедительной.*
Ключевые слова: *сарматы, Верхний Дон, Воронеж, лесостепь, городища, неукрепленные поселения, сарматская хронология, среднесарматское время, позднесарматское время, римское время, археологическая номенклатура.*

Abstract: *the article deals with controversial issues in archaeology and history of the Upper Don region in the Sarmatian period. The author analyzes two paradigms – 'Sarmatian' and 'Late Scythian' and determines the degree of their conformity with materials from excavations of fortified and non-fortified settlements of the 1st – first half of the 3rd centuries AD, including the composition of pottery assemblage represented by both local hand-made ware and Lower Don and North Caucasian gray-clay wheel-made pottery. Materials from barrow fields and synchronous fortified settlements leave no doubt that the Sarmatians really lived in the Upper Don region in the first centuries AD. An alternative hypothesis, according to which the Sarmatians deported some population from the Lower Dnieper to the Upper Don and this population brought there the Late Scythian culture, remains unfounded with archaeological materials and historically unconvincing.*
Key words: *Sarmatians, Upper Don, Voronezh, forest steppe, fortified settlements, non-fortified settlements, Sarmatian chronology, Middle Sarmatian period, Late Sarmatian period, Roman age, archaeological nomenclature.*

Почти полвека назад началось изучение сарматской проблематики в восточноевропейской лесостепи. Археологическая экспедиция Воронежского университета провела целенаправленные раскопки больших курганных могильников на р. Воронеж, а также в правобережье Верхнего Дона. Их материалы послужили основным археологическим источником для истории нашего региона в сарматскую эпоху [1].

* Статья подготовлена к изданию в «Верхнедонском сборнике» в 2022 г., но в связи с безвременной кончиной Андрея Михайловича Обломского я по понятным причинам задержал ее публикацию. Однако годы уходят и после долгих размышлений я все-таки решил опубликовать ее с небольшими добавлениями, поскольку ряд дискуссионных вопросов археологии Верхнего Дона в сарматское время не потеряли актуальности и требуют рассмотрения по принципу «Audiatur et altera pars».

© Медведев А. П., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Изучение сопровождающего инвентаря курганных погребений, прежде всего, гончарной сероглиняной посуды, дало надежный индикатор для поиска синхронных памятников оседлости. В результате раскопок городищ стала открываться другая сторона истории региона – культура верхнедонских племен, современников сарматов. Вскоре появились различные интерпретации культурной принадлежности городищ и поселений, что нашло отражение в археологической терминологии. Известно, что научное понятие не только отражает уровень осмысления той или иной проблемы, но задает определенное направление ее ращения и в известной мере предопределяет его результаты. Поэтому спор о понятиях имеет значение, так как из используемой исследователями терминологии вытекает определенная теория, что мы и увидим при анализе дискуссии о верхнедонских городищах и поселениях первых веков н. э.

Для их культурно-хронологической атрибуции предложено две основные парадигмы: «сарматская» и «позднескифская». Как альтернатива «сарматской эпохе» в археологии нашего региона появилось «раннеримское время». Рассмотрим правомерность использования этих названий в отношении верхнедонских памятников археологии I – середины III в. н. э.

«Сарматская парадигма». С конца 70-х гг. прошлого века изучение курганных могильников показало, что в первые века н. э. сарматы были исторической реальностью на берегах Воронежа и Верхнего Дона. Последующие открытия в начале XXI в. (Липецкий «княжеский» курган, могильник «Петровский проезд») подтвердили присутствие сарматов в глубинных районах Донской лесостепи. С рубежа 80–90-х гг. XX в. начали раскапываться синхронные курганным могильникам городища, где также обнаружены свидетельства присутствия сарматов [2; 3]. Поэтому представлялось правомерным выделение в регионе сарматской эпохи по устоявшейся в российской археологии традиции называть исторические эпохи по господствующему степному этносу: «скифская», «сарматская», «гуннская» и др. [4]. В течение двух десятилетий «сарматская парадигма» каких-либо возражений не вызывала. Она обоснована в последней монографии автора на материалах не только курганных могильников, но и городищ [5]. Было установлено, что комплекс лепной керамики городищ и поселений далеко не полностью совпадал с сарматским. Более 30 лет тому назад верхнедонскому феномену было предложено археологическое объяснение [6, рис. 1; 7, с. 72–75, рис. 34]. Тем не менее именно городищенская лепная керамика послужила основанием иной интерпретации культуры верхнедонских племен оседлости.

«Позднескифская парадигма». Спустя два десятилетия после открытия сарматских памятников в лесостепном Подонье предложена позднескифская культурная атрибуция верхнедонских древностей [8]. А. М. Обломский отнес погребальные памятники к «раннеримскому времени», а синхронные городища назвал позднескифскими, сославшись на сходство их материалов с нижнеднепровскими городищами рубежа и первых веков н. э. Он активно продвигал свой взгляд на верхнедонские памятники вплоть до последнего времени [9–11 и др.]. В результате в археологии Верхнего Дона появилась «позднескифская культура». Затем, следуя логике «археологической перевертки», А. М. Обломский стал называть верхнедонское население позднескифским. Более того, в публикации материалов поселения Ярок-9 статус верхнедонских городищ и поселений поднят до «позднескифской донской культуры» [12].

Идея А. М. Обломского нашла сторонников среди археологов следующего поколения. И. Е. Бирюков предложил использовать название «позднескифский горизонт» [13], а затем «позднескифская культура» [14] без обоснования правомерности их применения в отношении верхнедонских поселений. Новую парадигму принял А. М. Воронцов, объяснявший заселение Верхнего Дона миграцией позднескифского населения, сопровождаемого позднесарматскими группами вглубь лесостепи [15, с. 12]. Кажется, эта идея восходит к предположению М. Б. Щукина о переселении сарматами зарубинецкого населения на восток на северо-восточные границы аорсской конфедерации [16, с. 237], что не нашло дальнейшего подтверждения. Автору, много лет занимавшемуся сарматской археологией, трудно представить надобность насильственной депортации сарматами населения из Нижнего Поднепровья на Верхний Дон (за более чем тысячу километров!) при сохранении в глубине лесостепи традиций оседлой жизни. Гипотеза о пригоне сарматами части обитателей нижнеднепровских городищ (кстати, весьма немногочисленных) выглядит неубедительно и потому, что слои с материалами, близкими верхнедонским, открыты в различных лесостепных регионах Днепро-Донского междуречья [17; 18]. Кажется логичнее рассматривать эти памятники как свидетельства сохранения до первых веков н. э. местной лесостепной традиции.

Знакомясь с работами сторонников «позднескифской парадигмы» в разных ее вариантах, складывается впечатление, что они не задумывались над вопросом – что скрывается в современной науке за привнесенной в наш регион новой археологической номенклатурой. Название «позднескифская культура» относится к двум весьма локальным образованиям – городищам и могильникам предгорного Крыма и степного Нижнего Поднепровья, в связи с чем включение верхнедонских древностей в ареал этой культуры требует обоснования в виде сравнительных

таблиц, эволюционно-типологических рядов, а его не последовало. В то же время к началу XXI в. в понимании позднескифской археологической культуры Нижнего Днепра произошли существенные изменения. В. П. Былкова относит время появления нижнеднепровских городищ к рубежу II–I вв. до н. э., т. е. к тому времени, когда на верхнедонских поселениях также появляются первые хроноиндикаторы новой эпохи. Она отмечает отсутствие в культуре нижнедонских городищ выраженных скифских элементов при наличии совсем иных: фракийских, гетских и др. [19]. По существу, от этой культуры на Нижнем Днепре осталось только традиционное название при изменении ее содержания.

«*Раннеримское время».* Для хронологической атрибуции верхнедонских памятников А. М. Обломский использовал понятие *«раннеримское время»,* сославшись на то, что в европейской литературе такая периодизация является общепринятой [8, с. 235–237]. Для него оно было привычным, поскольку до смещения научного интереса на Верхний Дон он работал с археологическими памятниками Украины, где использование такой номенклатуры вполне правомерно. Хронологическая система римской эпохи была создана на европейских материалах для периодизации историко-культурных процессов в Европейском Барбарикуме [20]. В свою очередь она завесила от периодизации истории Римской империи, принятой в германской историографии еще в XIX в. («frührömische Zeit», «spätrömische Zeit»). Она хорошо известна российским археологам, некоторые ее хроноиндикаторы использовались при датировке сарматских могильников в лесостепном Подонье [21]. Но правомерно ли механически распространять центральноевропейскую схему на столь отдаленные восточноевропейские регионы, как Верхний Дон? Она была разработана на материалах к северу от римского лимеса, где сильнее сказывалось римское влияние на культуру германцев, часто находившихся на военной службе у римлян, чего нельзя сказать о населении нашего региона – сюда изредка доходили лишь единичные римские импорты.

Здесь важно обратить внимание на то, что в первые века н. э. историко-культурные процессы на Дону развивались *в ином ритме* по сравнению со «Свободной Германией». Прежде всего они зависели от изменений этнополитической ситуации в самой Сарматии. Поэтому ее археологическая периодизация не совпадает с центральноевропейской. Так, время среднесарматской культуры I – начала II в. в целом приходится на ступень B1 (6/20–70 гг.) и начало ступени B2 (70–180 гг.) европейской системы хронологии. Позднесарматская культура в Волго-Донских степях формируется в первой половине II в., т. е. еще до финала европейской ступени B2. Она продолжает существовать как минимум до середины III в. [22]. Рубежом, разделявшим «раннеримское время» от «позднеримского», принято считать Маркоманские войны 165–180 гг. В Восточной Европе эти годы приходятся на расцвет позднесарматской культуры. Она продолжает развиваться и тогда, когда в Европе уже ступень B2/C1 – переходная к «позднеримскому времени», а заканчивается к середине III в. – в Европе это завершение ступени C1a [23, с. 273–274].

На наш взгляд, привнесенная на Верхний Дон центральноевропейская схема не отражает весьма разительные внутренние перемены, происходившие в культурах различных групп населения Сарматии, в том числе на ее северной периферии[1]. Существенно то, что в последнее время успешно разрабатывается археологическая хронология для Северного Причерноморья, основанная на анализе материалов Крыма [24]. Она опирается не только на римский металлический импорт, но и на другие массовые находки инвентаря в закрытых погребальных комплексах как античного (амфоры, краснолаковая керамика, глиняные и стеклянные бальзамарии и др.), так и причерноморского производства. Для нашего региона она обладает большей «разрешающей способностью» в установлении важнейших реперов, нежели хронология в рамках «римской парадигмы».

К настоящему времени на Верхнем Дону помимо курганов раскопана серия городищ (17) и поселений (35) со слоями I – середины III в. н. э. (рис. 1). Сейчас появилась возможность описать культуру оставившего их населения и показать меру ее своеобразия. Последнее выявляется при сопоставлении с материалами синхронных курганных могильников, оставленных пришлым сарматским населением и его потомками, а также с соседними культурами. Начнем с анализа хроноиндикаторов, позволяющих установить хронологические позиции верхнедонских городищ и поселений (рис. 2).

Фибулы (52 экз.). На городищах встречены только типы фибул, относящихся преимущественно к среднесарматскому времени, в том числе «Авцисса» (рис. 2, *1*), воинские и др. Застежки из слоя неукрепленных поселений указывают на более широкий диапазон их существования: фибулы среднелатенской схемы серии 2, варианта 1 (рис. 2, *3*). Начало их использования – не позднее середины I в. до н. э. [25, с. 48–50]. Найдены шарнирные дуговидные фибулы с узкой спинкой I в. н. э. (рис. 2, *2*), смычковая фибула (рис. 2, *4*), получившие распространение не ранее конца I в. н. э. [26, с. 47], лучковые третьего варианта

[1] Заметим, что при механическом распространении центральноевропейской схемы на наш регион происходит нарушение принципа периодизации – после «позднеримского времени («эпохи римских влияний») наступает «гуннское время», названное по господствовавшему этносу.

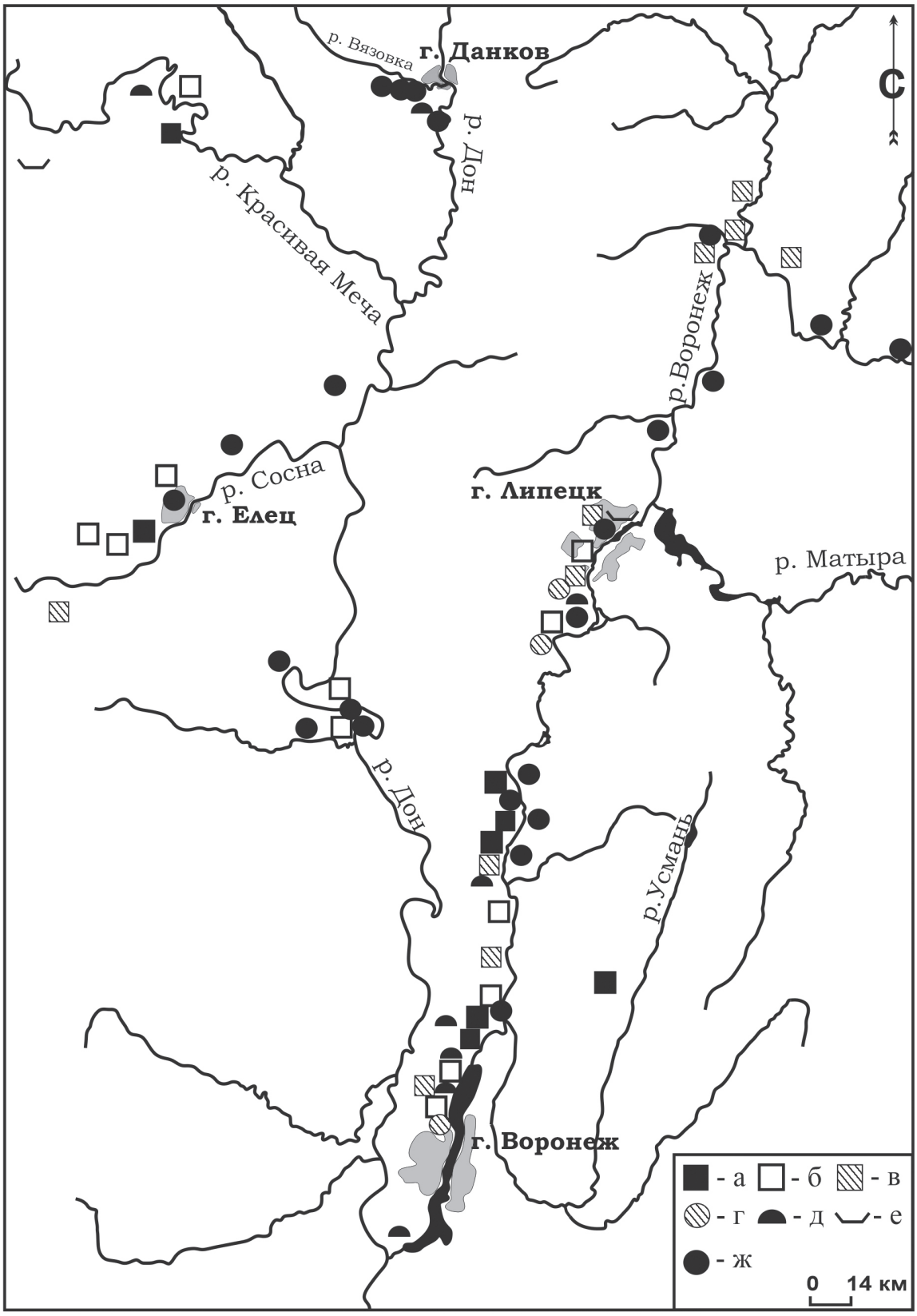

Рис. 1. Карта памятников сарматского времени Верхнего Дона:
а – городища, возведенные в сарматское время; *б* – городища, возникшие в скифское время и использовавшиеся в сарматское время; *в* – городища со слоем сарматского времени, выявленного в шурфах; *г* – городища сарматского времени с укреплениями последующих эпох; *д* – курганные могильники сарматского времени; *е* – грунтовые погребения; *ж* – поселения, исследованные раскопками

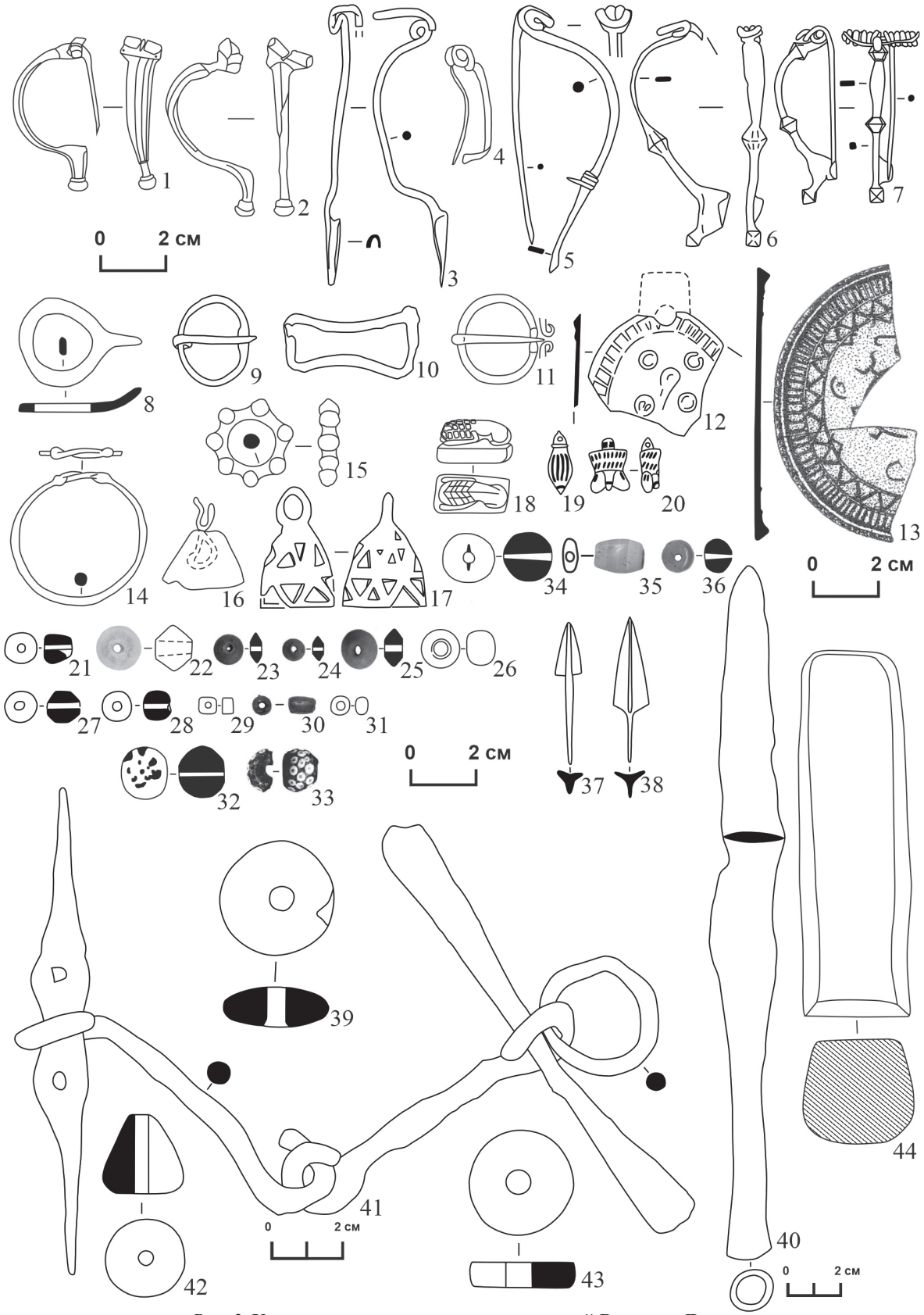

Рис. 2. Хроноиндикаторы городищ и поселений Верхнего Дона:
1, 11, 32, 44 – III Чертовицкое; *2, 10, 39, 41* – Ксизово 19; *3* – Пажень; *4* – Журавинки 1; *5, 43* – Целыковка 2; *6, 7, 12, 17* – Стаево 5; *8, 14, 16, 34* – Сырское; *9* – Лысогорское 6; *13, 18, 26, 29* – Ишутино; *15* – Крутогорье 2; *19–20* – Пады 4; *21, 27, 28* – Каменка 1; *22* – Первое мая хутор 1; *23–25, 33, 36* – Верхнее Казачье; *30* – Стаево 10; *31* – Малый Липяг; *35* – Скороварово 1; *37* – Крутогорье 1; *38* – Стаево 7; *40* – Ступино; *42* – Староживотинное 3

(см. рис. 2, *5*), а также сильнопрофилированные фибулы причерноморских типов второго и третьего вариантов (см. рис. 2, *6–7*). Последние датируются в пределах II в., некоторые (см. рис. 2, *6*), могли использоваться и позднее в первой половине III в. [27, с. 107, 112].

Поясная гарнитура (20 экз.). Единственным экземпляром представлена железная округлорамчатая пряжка с неподвижным язычком с Сырского городища (см. рис. 2, *8*), которую можно датировать временем до начала н. э., не исключая заход в I в. Большинство бронзовых и железных округлорамчатых пряжек – бесщитковые, они использовались в I–II вв. н. э. (см. рис. 2, *9–11*). Две железные пряжки с прогнутыми сторонами происходят с верхнедонских поселений Ксизово 19 (см. рис. 2, *10*). В Северном Причерноморье аналогичные застежки относят к первой половине – третьей четверти I в. н. э. [28, с. 163–164]. Небольшая застежка-сюльгама с завитками на концах из бронзы найдена на III Чертовицком городище (см. рис. 2, *11*). Аналогичные застежки обнаружены в верхнедонских курганах второй половины II – середины III в. н. э. [5, с. 89, рис. 72, *30*].

Зеркала, как правило, фрагментированные (19 экз.). Относятся к разным типам: с боковой петлей для подвешивания и выпуклостью по центру обратной стороны I в. н. э., с боковой петлей и орнаментом на обратной стороне (см. рис. 2, *12*), с центральной петлей на обороте (см. рис. 2, *13*), орнаментированные в подражание китайским зеркалам [там же, с. 79]. Два последних типа могут датироваться II в., скорее всего, его второй половиной.

Металлические украшения. К сарматскому времени определенно можно отнести железные браслеты, в том числе с заходящими друг за друга и перевитыми концами (см. рис. 2, *14*), а также бронзовые кольца (10 экз.) с круглыми шишечками, сгруппированными по три (см. рис. 2, *15*). Как те, так и другие встречались в средне- и позднесарматских погребениях, а также в могильниках Юго-Западного Крыма [29, с. 87].

Бронзовые колокольчики. Они двух типов: маленькие в виде простого колпачка, свернутого из тонкого листа (см. рис. 2, *16*) – тип 1 вариант 2 [30, с. 230–233, рис. 4]; более крупные цельнолитые с ажурным орнаментом из треугольных отверстий (см. рис. 2, *17*) – тип 9 [там же, с. 247–252, рис. 12, *7–10*]. Первые датируются 2-й половиной I – началом II в., вторые I – первой половиной II в. н. э. В I Чертовицком могильнике оба типа колокольчиков встречены в одном погребении 2/41 конца I в. н. э.

Бусы (34 экз.). Из них четыре бусины изготовлены из египетского фаянса типов 68б, 82, 90 по Е. М. Алексеевой (см. рис. 2, *18–20*). Они датируются I–II вв. н. э., но на Верхнем Дону и в Воронеже встречены преимущественно в погребениях I в. н. э. [5, с. 45, рис. 49, *1–10*]. Бусы из одноцветного стекла представлены типами 12, 15, 21, 59, 62, 68, 100, 104, 138, 149 (см. рис. 2, *21–30*). Две бусины, изготовленные из стекла с металлической прокладкой (см. рис. 2, *31*), имеют широкую датировку. Полихромные стеклянные пронизи представлены типами 13, 177, 193 (см. рис. 2, *32–33*). Бусы из минералов – халцедона, агата и сердолика – характерны для первых веков н. э. (см. рис. 2, *34–36*).

Вооружение. На городищах и поселениях Верхнего Дона его находки немногочисленные. Это 65 железных трехлопастных наконечников стрел с короткими черешками (см. рис. 2, *37–38*), два навершия позднесарматских мечей из мрамора (см. рис. 2, *39*) и три наконечника копий (см. рис. 2, *40*). Последние характерны для верхнедонских могильников позднесарматского времени [там же, с. 86, рис. 76, *1–3*].

Детали конской упряжи представлены удилами и псалиями, найденными на поселениях. Целый комплект удил вместе с двухдырчатыми псалиями, концы которых раскованы в виде лопастей (см. рис. 2, *41*), принадлежит типу, использовавшемуся с I в. до н. э. вплоть до позднесарматского времени [там же, с. 20, рис. 10, *21*].

Инструментарий. Набор орудий производства, найденных на городищах и поселениях, весьма ограничен. Серийно он представлен железными ножами, а также глиняными пряслицами характерных для сарматов типов: усеченно-конической формы (см. рис. 2, *42*) и плоскими дисковидными (см. рис. 2, *43*). Изредка встречались оселки и точильные бруски (см. рис. 2, *44*). По существу это тот же самый набор, который характерен для сарматских курганных погребений. Обращает на себя внимание то, что на городищах и поселениях пока не встречено орудий труда, свидетельствующих о ремесленном производстве и переработке зерна (зернотерок и пестов).

В целом, хронологический анализ вещевого комплекса верхнедонских городищ и поселений указывает на основное время их существования в пределах I–II вв. н. э. Однако немногочисленные находки фрагментов позднеэллинистических амфор и фибул среднелатенской схемы служат хроноиндикаторами начала формирования нового культурного образования несколько ранее – еще до рубежа эр. В то же время присутствие в верхнедонском комплексе вещей, характерных для классической позднесарматской культуры, позволяет датировать эти памятники временем ее расцвета в пределах второй половины II – первой половины III в. н. э.

Своеобразие культуры верхнедонского населения первых веков нашей эры ярче всего демонстрирует керамический комплекс. По месту производства и технологии он включает четыре группы керамики:

1 – лепную посуду местной традиции; 2 – лепную керамику сарматских типов; 3 – круговую сероглиняную посуду; 4 – фрагменты керамики античного производства, прежде всего, античных амфор.

Лепная посуда местного производства представлена горшками, мисками, кувшинами, крышками и миниатюрными сосудиками. Анализ ее форм позволяет судить о культурной принадлежности оседлого населения. В слоях городищ и поселений преобладали горшки трех основных типов.

Тип I – посуда небольших размеров с плавно отогнутым наружу венчиком и слегка раздутым в средней части туловом (рис. 3, *4–5*). Край венчика чаще всего орнаментирован косыми насечками, реже мелкими ромбическими защипами или не орнаментирован. Серия аналогичных сосудов выявлена в женских погребениях чертовицких и верхнедонских могильников, куда они, скорее всего, попадали с ближайших городищ [там же, с. 66–67, рис. 41]. Не вызывает сомнений их происхождение от одного из типов горшков скифского времени [6, с. 56–57, рис. 1].

Тип II – сосуды средних размеров с плавно отогнутым наружу венчиком и S-овидным профилем (рис. 3, *3*). Морфологически близки наиболее распространенному типу среднедонской лепной керамики скифского времени [5, с. 67; 31, с. 400–403]. Они отличаются от последней отсутствием закраин днищ и несколько иным оформлением венчика.

Тип III – горшками средних и крупных размеров с прямым венчиком, поставленным под тупым углом к тулову так, что верх сосуда имеет характерную форму раструба (рис. 3, *1–2*). Сосуды этого типа отличаются хорошо выраженными плечиками и яйцевидным туловом, сужающимся ко дну. Изнутри в месте соединения венчика с туловом почти всегда имеется ребро. Венчики чаще украшены косыми насечками, реже мелкими защипами или без орнамента. Этот тип горшков преобладал на большинстве исследованных городищ, составляя до половины керамического комплекса. Он мало характерен для скифского времени, хотя отдельные находки известны на Большом Сторожевом городище и поселении 3 в урочище «Частые Курганы» [32, табл. 7, *14, 22–24*]. III тип встречается в лесостепи вплоть до Левобережья Днепра [10, с. 378, рис. 2, *1–4*]. Недавно К. Ю. Пеляшенко издал материалы с поселений лесостепного междуречья Днепра и Северского Донца, на которых присутствует лепная посуда, восходящая к традициям скифского времени [18].

Инновацией в культуре оседлого населения первых веков н. э. стало использование лепных крышек для горшков (рис. 3, *9*). Они имеют характерную коническую форму и полую ручку и сильно отличаются от крышек скифского времени. Широкое распространение этого типа – явление, характерное для культур юга Восточной Европы первых веков нашей эры. Помимо горшков и крышек на поселениях изредка встречались фрагменты лепных мисок, как округлобоких, так и остроребрных, подражающих гончарным. По сравнению с крышками миниатюрные сосудики не так выразительны, они иногда повторяют формы горшков.

Лепная сарматская посуда представлена горшками (рис. 3, *6–8*), курильницами и ритуальными сосудиками. Горшки, как правило, небольших размеров с яйцевидным или грушевидным туловом, поверхность некоторых покрыта лощением. Они имеют близкие аналогии среди сарматской керамики [33; 34, рис. 46].

Ритуальные сосуды немногочисленны. Это курильницы и так называемые «вазочки» усеченно-конической формы на полой ножке, орнаментированные по венчику (рис. 3, *11*). В постройке 3 III Чертовицкого городища, а также в верхнем слое Пекшевского городища встречены фрагменты разбитых ребристых курильниц (рис. 3, *10*). Они аналогичны тем, что обнаружены в сарматских погребениях, в том числе в I Чертовицком могильнике.

Круговая сероглиняная керамика. Представлена мисками, кувшинами, корчагами и кубышками (рис. 4). Они изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины, как правило, без примесей, в изломе тесто имеет характерный серо-голубой цвет. Поскольку недавно серия находок гончарной посуды с верхнедонских городищ и поселений проанализирована в специальной статье [там же], на ее характеристике остановимся кратко. Находки целых мисок немногочисленны, чаще всего они представлены фрагментами. Большинство мисок – остроребрные (рис. 4, *1, 3–4*), но иногда с плавно загнутым внутрь краем (рис. 4, *2*). Снаружи бортик миски часто орнаментирован круговыми желобками (рис. 4, *2, 4*). По оформлению бортика выделяются те же типы мисок, которые ранее были найдены в сарматских погребениях чертовицких и других курганных могильников лесостепного Подонья [5, с. 35, 70, рис. 36].

Круговые кувшины, как правило, представлены фрагментами. Среди них преобладают сосуды с округлым туловом и расширяющимся кверху горлом в основном тех же типов, что входили в состав погребального инвентаря сарматских могильников лесостепного Подонья [там же, рис. 38, *1–4*]. В то же время на верхнедонских поселениях обнаружены типы кувшинов, ранее не встречавшиеся в лесостепных сарматских курганах, но хорошо известные в Волго-Донском степном междуречье. Это крупный кувшин с раздутым туловом и узким горлом (рис. 4, *5*). К тому же кругу керамики относится сероглиняный двуручный кувшин, помеченный тамгой на одной из ручек (рис. 4, *6*). От сероглиняной корчаги уцеле-

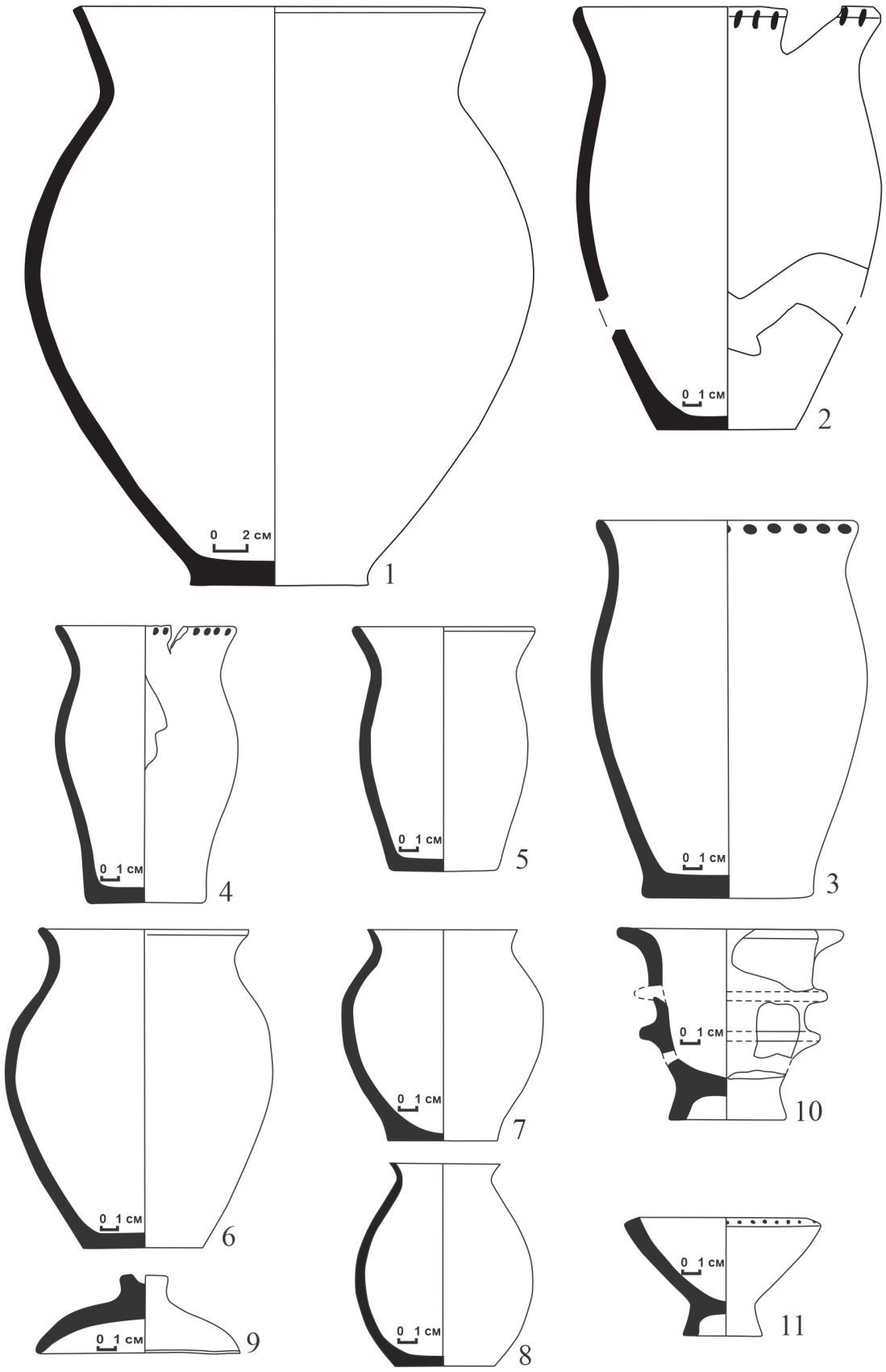

Рис. 3. Основные формы лепной керамики:
1 – Стаево 10; *2* – Савицкое 8; *3* – Ишутино; *4* – Нижний Воргол; *5, 11* – Сырское; *6–8* – Животинное; *9* – Подгорное; *10* – III Чертовицкое

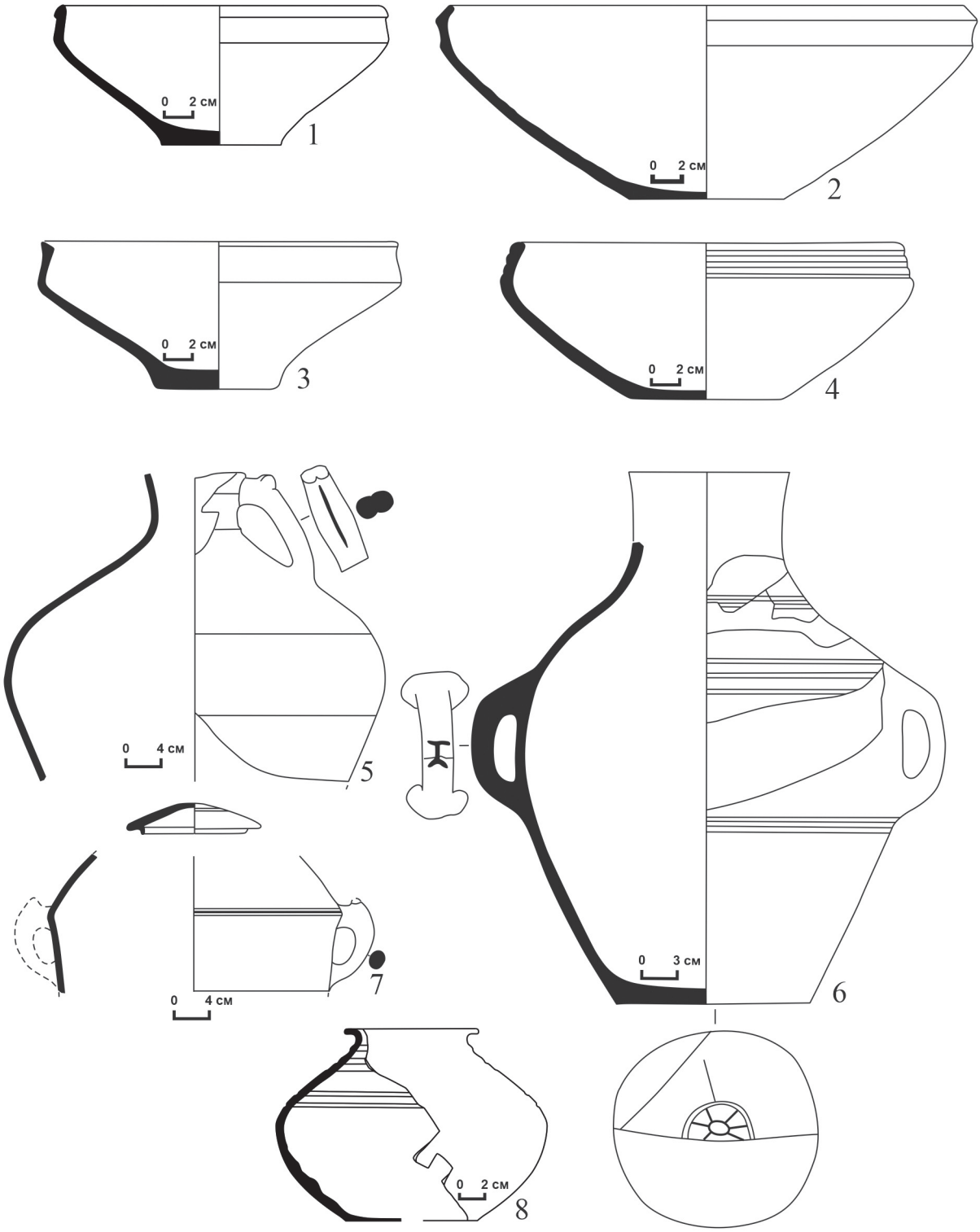

Рис. 4. Гончарная сероглиняная керамика:
1 – Октябрьский мост; *2* – Большая Кузьминка 4А; *3–5, 7* – Ишутино; *6* – III Чертовицкое; *8* – Стаево 5

ла средняя часть тулова и крышка (см. рис. 4, *7*). Эти формы характерны для погребений классической позднесарматской культуры [21, рис. 46, *15*; 35, рис. 1]. Единичными находками представлены сероглиняные кубышки, обычные для сарматских погребений I–II вв. (см. рис. 4, *8*).

Если в курганных сарматских могильниках Верхнего Дона сероглиняная гончарная посуда составляла до половины керамического комплекса, то на поселениях ее найдено значительно меньше. Она могла принадлежать как сарматам, так и местному оседлому населению. На III Чертовицком городище круговая посуда не превышала 13,6 % всего керамического комплекса. Лишь на Ишутинском городище доля такой керамики составляла до одной трети керамической серии [3, с. 86]. На большинстве же поселений ее находки единичны или вообще отсутствуют. Свидетельств местного производства круговых мисок и кувшинов на поселениях Верхнего Дона до сих пор не обнаружено. Это нижнедонской или северокавказский импорт, попадавший в культуру тех групп сарматов, которые откочевали в Донскую лесостепь, а через них и к местному населению. По этой причине такой керамики нет в позднескифской культуре Нижнего Поднепровья, там гончарная посуда имела иное происхождение.

Амфорная тара. Фрагменты амфор встречались на верхнедонских городищах и поселениях крайне редко. Помимо позднеэллинистических типов на III Чертовицком городище известны находки обломков узкогорлых светлоглиняных амфор. Последние относятся ко времени поступления сюда сероглиняной круговой керамики, когда на городищах начинает отчетливо ощущаться присутствие сарматов.

На бытовых памятниках встречается инструментарий, представленный железными однолезвийными ножами, шильями, а также пряслицами.

Глиняные прясла различной формы: биконические, округлые, усеченно-конические (см. рис. 2, *42*), цилиндрические, боченковидные и плоские дисковидные (см. рис. 2, *43*). Железные ножи чаще с прямой спинкой, хотя известны и с горбатой, более характерные для предшествующей скифской эпохи. Железные шилья встречались гораздо реже ножей. Они изготавливались из квадратного или круглого в сечении прута с заостренным рабочим концом. В слое попадались абразивы, в том числе точильные бруски из голубоватого камня (см. рис. 2, *44*).

Сопоставительный анализ показал степень влияния сарматов на материальную культуру и уклад жизни местного населения Верхнего Дона. Это проявилось в вещевом комплексе и гончарной сероглиняной керамике нижнедонского и северокавказского производства. Не исключено, что ряд вещей попадал на городища вместе с сарматами, могильники которых располагались по соседству с этими поселениями.

Изучение круговой посуды, украшений, деталей одежды, зеркал, вооружения, орудий труда, происходящих с поселений, выявило их близость инвентарю курганных могильников Верхнего Дона. Однако налицо и существенные различия в частоте попадания вещей на поселения и в курганные погребения. Они особенно заметны при сопоставлении их керамических наборов – в курганных могильниках встречались лишь лепные горшочки I типа, изначально принадлежащие представительницам местного населения, включенным в сарматские семейно-родовые группы [5, с. 76]. На поселениях ассортимент лепной посуды разнообразнее, ее основные типы восходят к среднедонской керамической традиции предшествующего времени.

Типологический анализ памятников оседлости первых веков нашей эры Верхнего Подонья по составу керамического комплекса показал, что большинство из них соответствует традиции, выявленной на III Чертовицком городище (рис. 5). Там помимо единичных фрагментов эллинистических амфор II–I вв. до н. э. встречались хроноиндикаторы преимущественно I в. н. э. (фибула «Авцисса», сарматская ребристая курильница, фрагменты светлоглиняных амфор типов А и С). Видимо, с этого времени на городище стала появляться сероглиняная круговая керамика. Городище использовалось и в позднесарматское время, на что указывает кувшин-двуручник центральнокавказского производства (см. рис. 4, *6*).

С начала раскопок эпонимный характер III Чертовицкого городища был очевиден не только автору, но и другим исследователям, ознакомившимся с его материалами. Еще до их публикации А. М. Обломский предложил называть верхнедонские поселения типом III Чертовицкого городища ввиду того, что на нем обнаружены яркие материалы сарматского времени [8, с. 235–238]. Правда, вскоре он ввел название этого памятника в выделенный им горизонт гуннского времени «Черивицкое – Замятино», так как его верхний слой помимо сарматских содержал материалы IV–V вв. [36, с. 130–131]. Это внесло некоторую путаницу в верхнедонскую археологию. Позднее исследователь стал называть верхнедонские городища и поселения памятниками типа Чертовицкое – Ишутино, но время их существования ограничил I–II вв. н. э., сославшись на то, что в их слоях нет изделий круга бронзовых выемчатых эмалей. Начало распространения последних на Верхнем Дону он связал с выделенным им «культурно-хронологическим горизонтом Паниковец», датированным первой половиной III в. [37]. Однако ни в «кладе» из Паниковца, послужившем основанием для выделения горизонта (он состоял из находок «черного копателя»!), ни в слое не оказалось

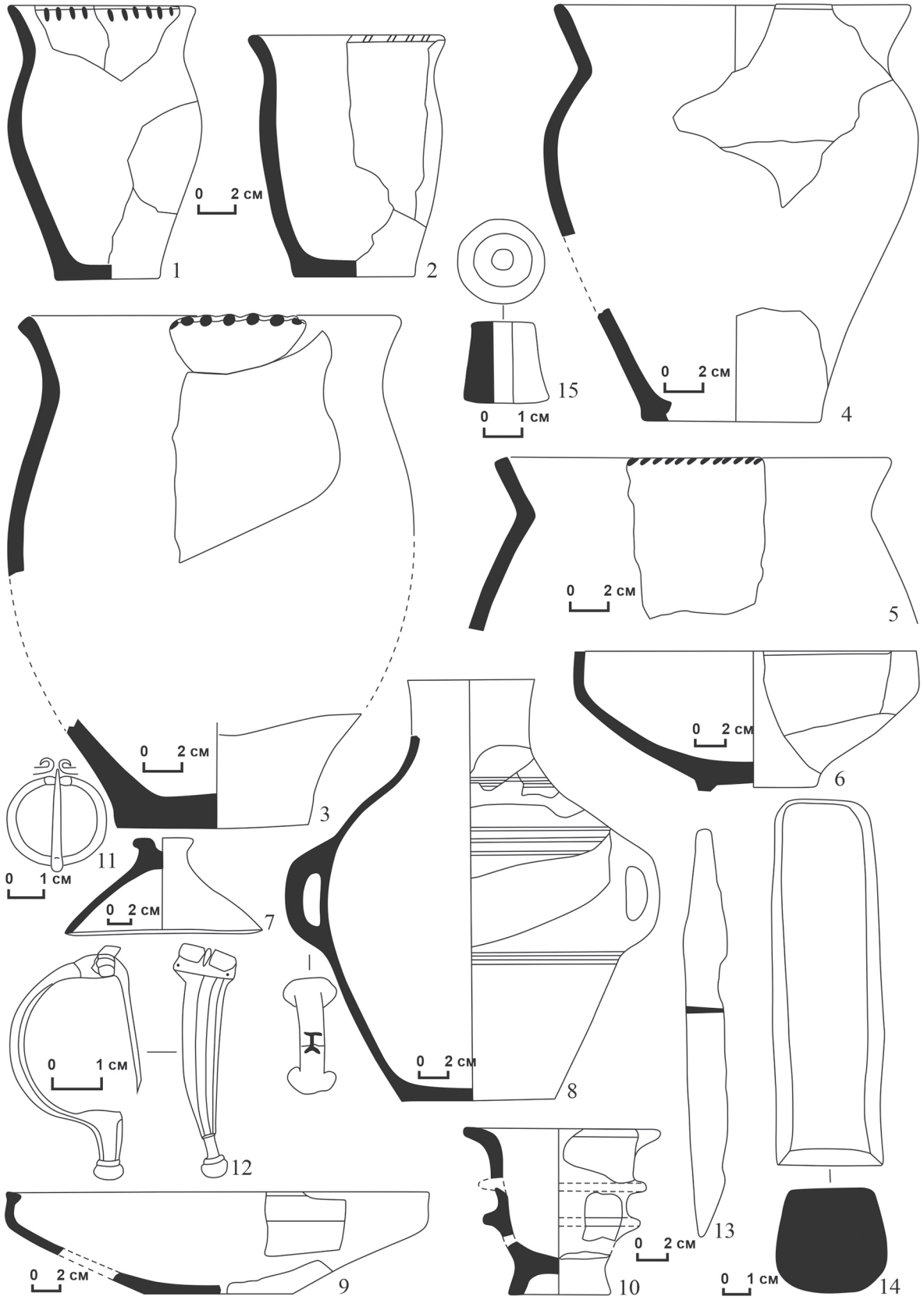

Рис. 5. Материалы III Чертовицкого городища

хроноиндикаторов этого времени. Единственным надежным основанием для датировки памятника периода использования украшений с эмалями А. М. Обломский считал сами эти украшения, сославшись на свою типологию развития эмалевого стиля. В то же время из слоя поселения Паниковец-1 происходят фрагменты лепной посуды, известной по находкам на III Чертовицком городище (венчики горшков III типа, «вазочки», крышки). В силу темной истории формирования «клада», послужившего основанием для выделения «горизонта Паниковец», и нынешнего состояния его датировки он не может рассматриваться в качестве верхнего хронологического репера городищ и поселений сарматского времени на Верхнем Дону. Вопрос требует дальнейшего изучения, как, впрочем, и верхний хронологический рубеж верхнедонских курганных могильников и городищ [38].

В последние годы продолжается дискуссия о том, как лучше называть верхнедонские памятники оседлости. Помимо названия «тип Ишутинского городища» появилось предложение выделять «тип Липецкого городища» по горшкам с раструбообразными венчиками с насечками [39, с. 70]. Однако следует сказать, что коллекция находок с этого памятника невыразительна, его слой разрушен и перемешан, нет надежных хроноиндикаторов. В 2020 г. И. Е. Бирюков предложил называть пласт поселенческих и погребальных памятников I в. до н. э. – начала III в. н. э. верхнедонской группой. Исследователь разделяет городища на два типа – тип Ишутинского городища и тип III Чертовицкого и Сырского городищ [13, с. 394]. Последнее добавление представляется излишним, так как материалы Сырского городища практически ничего нового не добавляют к картине, полученной в результате раскопок III Чертовицкого городища, да и стратиграфия памятника сильно нарушена. Складывается впечатление, что попытки внести уточнения в наименование типов верхнедонских памятников не обусловлены ничем, кроме желания высказать альтернативные мнения. Но они ничего не меняют – исследователи будут обращаться к материалам III Чертовицкого городища.

На Верхнем Дону особняком стоит Ишутинское городище с ярко выраженными чертами среднедонской керамической традиции скифского времени (рис. 6). Его действительно можно выделить в отдельный тип. Ишутино возникает в более позднее время (около середины II в.), нежели III Чертовицкое [3]. Памятник отличается от других поселений в правобережье Верхнего Дона, в том числе и от городища Верхнее Казачье, которое типологически ближе III Чертовицкому городищу [40].

В науке нередко бывает так, что предложено не одно, а два или больше решений актуальной проблемы. Проведенное исследование показало, что убедительнее выглядит гипотеза, объясняющая верхнедонской феномен первых веков н. э. переселением сарматов из волго-донских степей в Верхнее Подонье, где уже обитало местное население. К началу н. э. на лесостепной субстрат, сохранявший некоторые традиции среднедонской культуры скифского времени, наложился пришлый сарматский адстрат. Это был не одновременный акт – волны кочевников накатывались вглубь лесостепи и в позднесарматское время. «Сарматская парадигма» адекватнее описывает этнокультурную ситуацию, сложившуюся в верхнедонском лесостепном регионе на рубеже и в первые века н. э. Она объясняет возникновение больших курганных могильников на реке Воронеж, а позднее и по правым притокам Дона, иногда по соседству с городищами, занятыми лесостепным населением. Появление сарматской угрозы вынуждало его проводить большие работы по сооружению или перестройке укреплений, но это не помогло. Рядом с III Чертовицким городищем, несмотря на его мощные укрепления, возникает сарматский курганный могильник, указывающий на зимник, а на самом городище открыты следы пребывания сарматов. Отношения между этими двумя группами населения, скорее всего, складывались по распространенной модели взаимодействия воинственных номадов и оседлого населения лесостепи, попадавшего в ту или иную степень зависимости от степняков [5, с. 75–78]. Со временем здесь начался процесс формирования нового этнокультурного образования, ярче всего представленного в материалах верхнедонских могильников и городищ. Об этом написано достаточно в других наших работах.

Альтернативная гипотеза о депортации сарматами из низовий Днепра на Верхний Дон позднескифского населения, принесшего сюда свою культуру, представляется слишком громоздкой и не обоснованной археологическим материалом. Показательно, что за четверть века ее сторонниками так и не проведено сравнительно-типологическое исследование поселенческих материалов из бассейна Верхнего Дона с позднескифской культурой Нижнего Поднепровья.

Один из основополагающих принципов современной науки гласит: новая гипотеза или теория имеет право на существование лишь тогда, когда она увязывает в единую непротиворечивую систему все известные факты. В этом смысле «позднескифская парадигма» в верхнедонской археологии оставляет больше вопросов, чем дает ответов. Тем не менее ее появление мы считаем полезным, поскольку ее экспертиза обнажила некоторые насущные вопросы археологии и истории населения Верхнего Дона в первые века н. э. Автор надеется, что его размышления и аргументы не останутся без внимания специалистов и станут стимулом в их дальнейших исследованиях.

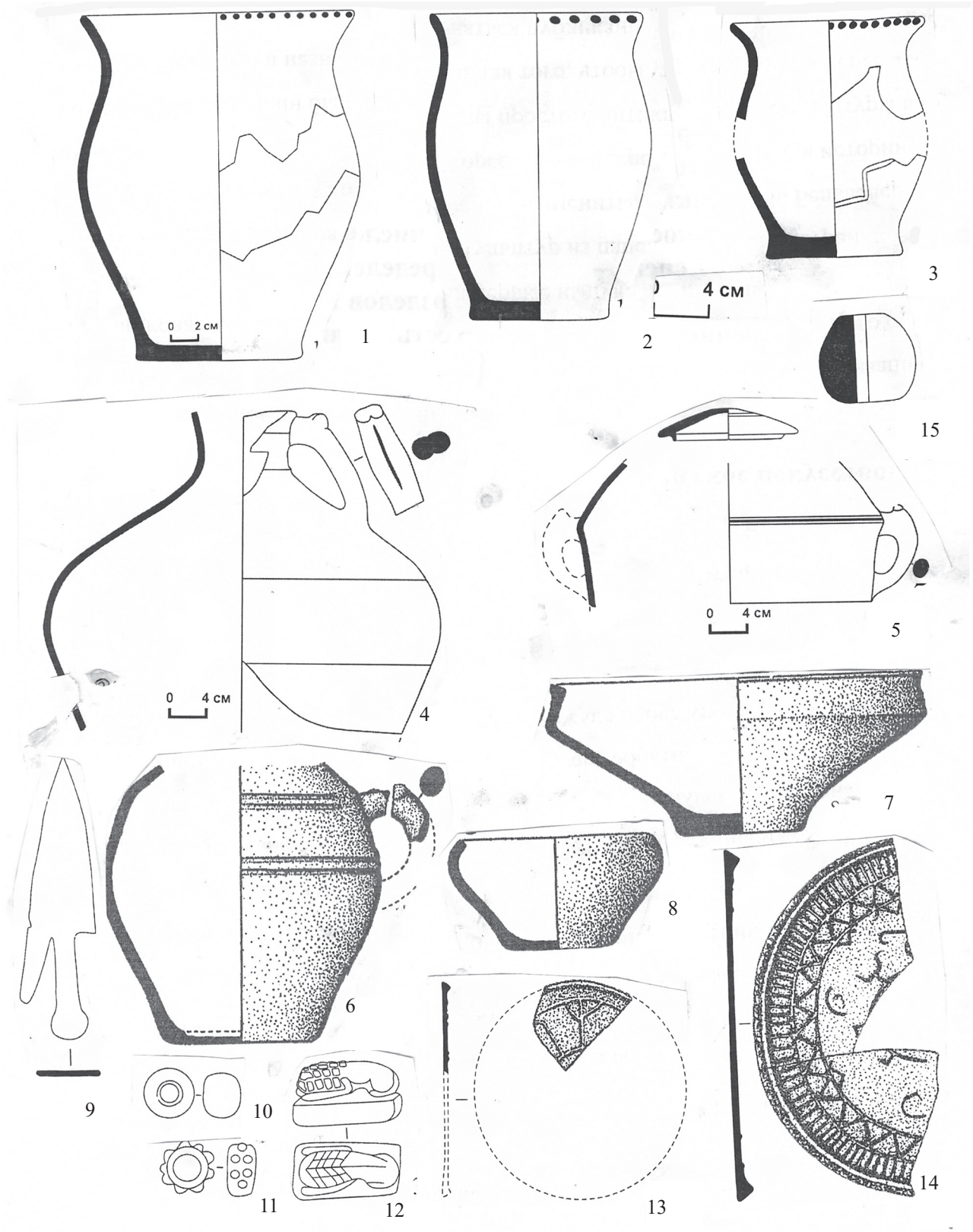

Рис. 6. Материалы Ишутинского городища

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведев А. П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж : Изд-во ВГУ, 1990. 220 с.

2. *Медведев А. П.* III Чертовицкое городище : материалы 1-й половины 1 тыс. н. э. Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н. э. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. С. 42–84. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12).

3. *Разуваев Ю. Д.* Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н. э. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. С. 85–96. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12).

4. *Медведев А. П.* Опыт разработки региональной системы хронологии и периодизации памятников раннего железного века лесостепного Подонья // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий : тез. докл. науч. конф. Липецк : Изд-во ЛГПУ, 1999. С. 17–21.

5. *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус, 2008. 252 с.

6. *Медведев А. П.* О культурной принадлежности лепной керамики из погребений сарматского времени донской лесостепи // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 56–59.

7. *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья : археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М. : Наука. 160 с.

8. *Обломский А. М.* Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Проблемы славянской археологии : труды VI Международного конгресса славянской археологии : в 5 т. Т. 1. М. : Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997. С. 235–246.

9. *Обломский А. М.* Позднескифские материалы конца I тыс. до н. э. и первых вв. н. э. из верховьев р. Воронеж // Stratum plus. 2020. № 4. С. 365–380.

10. *Обломский А. М., Приймак В. В.* Материалы рубежа нашей эры на городище Битица в Сумской области (раскопки 1984–1986 гг.) и некоторые проблемы позднескифской археологии лесостепного Поднепровья // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. 2020. № 1 (3). С. 377–392.

11. *Обломский А. М.* Позднезарубинецкие и позднескифские памятники востока Днепровского Левобережья и Верхнего Подонья. Продолжение темы // Крым в Сарматскую эпоху. 2022. Вып. VIII. С. 147–172.

12. *Обломский А. М.* Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж // De mare ad mare. Археология и история : сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск : Свиток, 2017. С. 312–344.

13. *Бирюков И. Е.* Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. 2020. № 1 (3). С. 393–403.

14. *Бирюков И. Е.* Скороварово 1 − поселение позднескифской культуры на Верхнем Дону // Археологическое наследие. 2022. № 1 (5). С. 34–53.

15. *Воронцов А. М.* Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в познеримское время : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008. 22 с.

16. *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб. : Фарн, 1994. 324 с.

17. *Енуков В. В., Медведев А. П.* О новом типе поселений в бассейне р. Сейм // Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 253–257.

18. *Peliashenko K.* Archaeological sites of the late Scythian – early Sarmatian period in the Dnipro-Donets forest-steppe // Revista Arheologică. Serie nouă. 2024. Vol. XX. Nr. 1. P. 103–122.

19. *Былкова В. П.* Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон : Изд-во ХГУ, 2007. 244 с.

20. *Eggers H-J.* Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrbuch des RGZM. Jg. 2. Mainz, 1955. S. 196–244.

21. *Медведев А. П., Разуваев Ю. Д.* Хронология погребения I Чертовицкого могильника // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 128–137.

22. *Скрипкин А. С.* Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. 93 с.

23. *Щукин М. Б.* Река времени (некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен : в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2004. С. 261–276.

24. *Труфанов А. А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.

25. *Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

26. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) М. : Наука, 1966. 140 с.

27. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–120.

28. *Труфанов А. А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.

29. *Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму : в 2 ч. Ч. 1. М. : Исторический музей, 2016. 272 с.

30. *Труфанов А. А.* Колокольчики из Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VIII. Севастополь : Альбатрос, 2022. С. 223–267.

31. *Разуваев Ю. Д.* Керамические комплексы донских поселений городецкой и скифоидной культур : опыт сравнительного анализа // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 2. С. 397–406.

32. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М. : Наука, 1965. 112 с.

33. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1990. 299 с.

34. *Голышкин А. О., Медведев А. П.* Керамический комплекс верхнедонских городищ сарматского времени // Нижневолжский археологический вестник. 2025. Т. 24, № 2. С. 40–55.

35. *Беспалый Е. И.* Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону : материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов н/Д. : Терра, 2000. С. 156–168.

36. *Обломский А. М.* О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк : Успех-Инфо, 2001. С. 122–140.

37. *Обломский А. М.*, *Сапрыкина И. А.* О культурно-хронологическом горизонте украшений с эмалями в Верхнем Подонье // РА. 2019. № 4. С. 66–85.

38. *Зиньковская И. В.* Горизонт выемчатых эмалей, венеты и сарматы в бассейне Дона // Археологическое наследие. 2020. № 1. С. 421–437.

39. *Воронцов А. М., Столяров Е. В.* Война I века на границе лесной зоны : Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. № 4. С. 51–74.

40. *Разуваев Ю. Д.* Материалы сарматской эпохи на городище у с. Верхнее Казачье близ г. Задонска // Археологическое наследие. № 1 (5). Липецк ; Воронеж, 2020. С. 73–85.

REFERENCES

1. Medvedev A. P. Sarmaty i lesostep (po materialam Podonya) [Sarmatians and Forest Steppe (according to Materials from the Don Region)]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1990. 220 p.

2. Medvedev A. P. III Chertovitskoe gorodishche: Materialy 1-y poloviny 1 tys. n. e. [The Fortified Settlement Chertovitskoe 3: Materials of the 1st Half of the 1st Millennium AD]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podonya pervoy poloviny 1 tys. n. e. [Archaeological Sites of the Upper Don Region of the First Half of the 1st Millennium AD* Voronezh: Izd-vo VGU, 1998. Pp. 42–84. (Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi. 12).

3. Razuvaev Yu. D. Ishutinskoe gorodishhe na Krasivoy Meche [The Fortified Settlement Ishutinskoe on the Krasivaya Mecha River]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podonya v pervoy polovine I tysyacheletiya n. e. [Archaeological Sites of the Upper Don Region of the First Half of the 1st Millennium AD*. Voronezh: Izd-vo VGU, 1998. Pp. 85–96. (Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi. 12).

4. Medvedev A. P. Opyt razrabotki regionalnoy sistemy khronologii i periodizatsii pamyatnikov rannego zheleznogo veka lesostepnogo Podonya [An Attempt to Develop a Regional System for Chronology and Periodization of the Early Iron Age in the Forest Steppe Don Region]. In: *Arkheologiya Centralnogo Chernozemya i sopredelnykh territoriy: tez. dokl. nauch. konf. [Archaeology of the Central Black Earth Region and Adjacent Territories: Abstracts]*. Lipetsk: Izd-vo LGPU, 1999. Pp. 17–21.

5. Medvedev A. P. Sarmaty v verkhovyakh Tanaisa [Sarmatians in the Upper Tanais Region]. Moscow: Taus, 2008. 252 p.

6. Medvedev A. P. O kulturnoy prinadlezhnosti lepnoy keramiki iz pogrebeniy sarmatskogo vremeni donskoy lesostepi [On the Cultural Attribution of Hand-Made Ware from Sarmatian Period Burials in the Don Forest Steppe]. In: *KSIA [Brief Reports of the Institute of Archaeology]*. 1993. 207. Pp. 56–59.

7. Medvedev A. P. Ranniy zhelezniy vek lesostepnogo Podonya: Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya I tysyacheletiya do n. e. [Early Iron Age of the Forest Steppe Don Region: Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC]. Moscow: Nauka, 1999. 160 p.

8. Oblomskiy A. M. Etnicheskaya situatsiya v lesostepnom Podonye v pozdnerimskoe vremya [Ethnic Situation in the Forest Steppe Don Region in the Late Roman Age]. In: *Problemy slavyanskoy arkheologii: Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii [Problems of Slavic Archaeology: Proceedings of the 6th International Congress of Slavic Archaeology]*. V 5 t. T. 1. Moscow: Izd-vo NPBO Fond arkheologii, 1997. Pp. 235–246.

9. Oblomskiy A. M. Pozdneskifskie materialy kontsa I tys. do n. e. i pervykh vv. n. e. iz verkhovev r. Voronezh [Late Scythian Materials of the Late 1st Millennium BC and the First Centuries AD from the Upper Voronezh River Region]. In: *Stratum plus*. 2020. No. 4. Pp. 365–380.

10. Oblomskiy A. M., Priymak V. V. Materialy rubezha nashey ery na gorodishhe Bititsa v Sumskoy oblasti (raskopki 1984–1986 gg.) i nekotorye problemy pozdneskifskoy arkheologii lesostepnogo Podneprovya [Materials of the Turn of Eras in the Fortified Settlement Bilitsa in the Sumy Oblast (Excavations of 1984–1986) and Some Problems of the Late Scythian Archaeology of the Forest Steppe Dnieper Region]. In: *Arkheologicheskoe nasledie. Antichnost. Skify. Sarmaty [Archaeological heritage. Antiquity. Scythians. Sarmatians]*. 2020. No. 1 (3). Pp. 377–392.

11. Oblomskiy A. M. Pozdnezarubinetskie i pozdneskifskie pamyatniki vostoka Dneprovskogo Levoberezhya i Verkhnego Podonya. Prodolzhenie temy [Late Zarubintsy and Late Scythian Sites of the Eastern Part of the Dnieper Left Bank Area and the Upper Don Region. Continuing on the Topic]. In: *Krym v Sarmatskuyu epokhu [Crimea in the Sarmatian Period]*. VIII. Sevastopol: Albatros, 2022. Pp. 147–172.

12. Oblomskiy A. M. Materialy rannerimskogo vremeni na poselenii Yarok-9 v verkhovyakh r. Voronezh [Early Roman Age Materials from the Yarok-9 Settlement in the Upper Voronezh River Region]. In: *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N. A. Krenke [Archaeology and History: Collected Papers in Honour of the 60th Anniversary of N. A. Krenke]*. Smolensk: Izd-vo Svitok, 2017. Pp. 312–344.

13. Biryukov I. E. Pozdneskifskiy gorizont v lesostepi ot Dnepra do Volgi [Late Schythian Horizon in the Forest Steppe from the Dnieper to the Volga]. In: *Arkheologicheskoe nasledie. Antichnost. Skify. Sarmaty [Archaeological*

heritage. Antiquity. Scythians. Sarmatians]. 2020. No. 1 (3). Pp. 393–403.

14. Biryukov I. E. Skorovarovo 1 − poselenie pozdneskifskoy kultury na Verkhnem Donu [Skorovarovo 1 – a Settlement of the Late Scythian Culture in the Upper Don Region]. In: *Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage]*. 2022. No. 1 (5). Pp. 34–53.

15. Vorontsov A. M. Etnokulturnaya situaciya na Oksko-Donskom vodorazdele v poznerimskoe vremya. Avtoref. diss. … kand. ist. nauk [Ethnocultural Situation in the Oka and the Don Watershed in the Late Roman Age. Author's Abstract of the Thesis]. Moscow, 2008. 22 p.

16. Shchukin M. B. Na rubezhe er [At the Turn of Eras]. Saint Petersburg: Farn, 1994. 324 p.

17. Yenukov V. V., Medvedev A. P. O novom tipe poseleniy v basseyne r. Seym [On the New Type of Settlements in the Seym River Region]. In: *Stratum plus*. 2001–2002. No. 4. Pp. 253–257.

18. *Peliashenko K.* Archaeological sites of the late Scythian – early Sarmatian period in the Dnipro-Donets forest-steppe. In: *Revista Arheologică. Serie nouă.* 2024. Vol. XX. Nr. 1. Pp. 103–122.

19. Bylkova V. P. Nizhneye Podneprove v antichnuyu epokhu (po materialam raskopok poseleniy) [Low Dnieper Region in Antiquity (according to Materials from Excavations of Settlements)]. Kherson: Izd-vo KhGU, 2007. 244 p.

20. *Eggers H-J.* Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. In: *Jahrbuch des RGZM.* Jg. 2. Mainz, 1955. Pp. 196–244.

21. *Medvedev A. P., Razuvaev Yu. D*. Khronologiya pogrebeniya I Chertovitskogo mogil'nika [Chronology of a Burial from the 1st Chertovitsky Barrow Group]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki lesostepnogo Podonya i Podneprovya I tys. n. e. [Archaeological Sites of the Forest Steppe Don and Dnieper Regions of the 1st Millennium AD]*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1983. Pp. 128–137.

22. Skripkin A. S. Sarmaty [Sarmatians]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2017. 93 p.

23. Shchukin M. B. Reka vremeni (Nekotorye zamechaniya o metodikakh khronologicheskikh raschetov epokhi Latena i rimskogo vremeni) [The River of Time (Some Comments on Methods of Chronological Calculations for the La Tene Period and the Roman Age)]. In: *Bosporskiy fenomen [Bosporan Phenomenon]*. V 2 ch. Ch. 2. Saint Petersburg, 2004. Pp. 261–276.

24. Trufanov A. A. Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n.e. [Chronology of Submontane Crimea Burial Grounds of the 1st century BC – 3rd century AD]. In: *Stratum plus*. 2009. No. 4. Pp. 117–328.

25. Kropotov V. V. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of the Sarmatian Age]. Kiev : ADEF-Ukraina, 2010. 384 p.

26. Ambroz A. K. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Fibulae of the South of the European Part of the USSR, 2nd century BC – 4th century AD]. Moscow: Nauka, 1966. 140 p.

27. Skripkin A. S. Fibuly Nizhnego Povolzhya (po materialam sarmatskikh pogrebeniy) [Fibulae of the Low Volga Region (according to Materials from Sarmatian Burials)]. In: *SA [Soviet Archaeology]*. 1977. No. 2. Pp. 100–120.

28. *Trufanov A. A.* Pryazhki rannikh provincialno-rimskikh form v Severnom Prichernomore [Buckles of Early Provincial Roman Shapes in the North Black Sea Region]. In: *RA [Russian Archaeology]*. 2004. No. 3. Pp. 160–170.

29. Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. Nekropol rimskogo vremeni Belbek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. V 2 ch. Ch. 1 [The Roman Age Necropolis Belbek 4 in the South Western Crimea. Part 1]. Moscow: Istoricheskiy muzey, 2016. 272 p.

30. Trufanov A. A. Kolokolchiki iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Small Bells from the Ust-Alma Necropolis]. In: *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in the Sarmatian Period (2nd century BC – 4th century AD)]*. VIII. Sevastopol: Albatros, 2022. Pp. 223–267.

31. Razuvaev Yu. D. Keramicheskie kompleksy donskikh poseleniy gorodetskoy i skifoidnoy kultur: opyt sravnitelnogo analiza [Pottery Assemblages from the Don Settlements of Gorodets and Scythoid Cultures: an Attempt of Comparative Analysis]. In: *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa Archaeological Journal]*. 2024. 24. No. 2. Pp. 397–406.

32. Liberov P. D. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu [Sites of the Scythian Period in the Middle Don Region]. Moscow: Nauka, 1965. 112 p.

33. Skripkin A. S. Aziatskaya Sarmatiya: problemy khronologii i eyo istoricheskiy aspect [Asian Sarmatia; Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1990. 299 p.

34. Golyshkin A. O., Medvedev A. P. Keramicheskiy kompleks verkhnedonskikh gorodishch sarmatskogo vremeni [Pottery Assemblage of the Upper Don Fortified Settlements of the Sarmatian Period]. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Journal]*. 2025. 24. No. 2. Pp. 40–55.

35. Bespaliy E. I. Pozdnesarmatskoe pogrebenie iz mogilnika Vysochino V na vodorazdele mezhdu Kagal'nikom i Donom [Late Sarmatian Burial from the Burial Ground Vysochino 5 in the Watershed between the Kagalnik and the Don]. In: *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona [Sarmatians and Their Neighbours in the Don Region. Materials and Studies in the Don Archaeology]*. 1. Rostov-on-Don: Terra, 2000. Pp. 156–168.

36. Oblomskiy A. M. O pamyatnikakh lesostepnogo Podonya pozdnerimskogo vremeni [On Late Roman Age Sites in the Forest Steppe Don region]. In: *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [Upper Don Archaeological Journal]*. 2. Lipetsk: Uspekh-Info, 2001. Pp. 122–140.

37. Oblomskiy A. M., Saprykina I. A. O kulturno-khronologicheskom gorizonte ukrasheniy s emalyami v Verkhnem Podone [On the Cultural and Chronological Horizon of Enameled Jewelry in the Upper Don Region]. In: *RA [Russian Archaeology]*. 2019. No. 4. Pp. 66–85.

38. Zin'kovskaya I. V. Gorizont vyemchatykh emaley, venety i sarmaty v basseyne Dona [Horizon of Champleve Enamels, Veneti and Sarmatians in the Don Region]. In:

Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage]. 2020. No. 1. Pp. 421–437.

39. Vorontsov A. M., Stolyarov E. V. Voyna I veka na granitse lesnoy zony: Oksko-Donskoy vodorazdel [The 1st Century War at the Edge of the Forest Zone: the Oka and the Don Watershed]. In: *Stratum plus*. 2019. No. 4. Pp. 51–74.

40. Razuvaev Yu. D. Materialy sarmatskoy epokhi na gorodishche u s. Verkhneye Kazachye bliz g. Zadonska [Sarmatian Age Materials from the Fortified Settlement near the Verkhneye Kazachye Village near Zadonsk]. In: *Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage]*. No. 1 (5). Lipetsk ; Voronezh, 2020. Pp. 73–85.

Воронежский государственный университет
Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: APM1950@yandex.ru

Поступила в редакцию 18 марта 2026 г.
Принята к публикации 6 апреля 2026 г.

Для цитирования:
Медведев А. П. К дискуссии о культуре Верхнего Подонья в сарматское время // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2026. № 2. С. 6–22. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/6-22

Voronezh State University
Medvedev A. P., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: APM1950@yandex.ru

Received: 18 March 2026
Accepted: 6 April 2026

For citation:
Medvedev A. P. On the discussion about the culture of Upper Don region in the Sarmatian period. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.* 2026. No. 2. Pp. 6–22. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/6-22